

© 1999 г.

СКИЛУР И ЕГО ЦАРСТВО

(Новые открытия и новые проблемы)

Эпоха расцвета Понтийской державы занимает особое место в античной истории Северного Причерноморья. Среди государств и народов того времени своеобразная роль принадлежит «скифскому» царству Скилура. Постоянный интерес к этому государственному образованию обусловлен, вероятно, несколькими основными факторами. Среди них – специфика позднеэллинистического периода – времени глобальных миграций и передела этнополитической карты региона, и незаурядные личностные качества царя Скилура, успешными мероприятиями по праву завоевавшего место первого претендента на роль «политического лидера» Северного Причерноморья¹.

Предыстория державы Скилура, по представлениям большинства исследователей берущая начало в III в. до н.э., реконструирована по-разному, и реконструкция эта находится в прямой зависимости от понимания исторических судеб Великой Скифии и греческих государств Северного Причерноморья. Опуская все частные отклонения, мнения по данному вопросу могут составить две противоположные концепции.

Традиционная точка зрения, сформировавшаяся в 40–50-е годы², основывалась на общих представлениях о скифской «цивилизации», согласно которым существовала генетическая связь между позднескифской культурой и культурой степных скифов VII–IV вв. до н.э., а следовательно, и их этническая преемственность³. По этой теории Крымская Скифия III в. до н.э. – III в. н.э. была завершающим этапом «тысячелетней истории скифов Северного Причерноморья»⁴, в связи с чем «...весьма удачной представляется сама дефиниция "позднескифская культура", как отражающая, с одной стороны, преемственность от раннескифской, а с другой – существенные трансформации, которые эта культура претерпела в связи с переходом скифов к оседлости и из-за включения в их состав многочисленных иноэтничных элементов»⁵.

По мнению А.Н. Щеглова, «...образование позднескифского царства (которое он датирует первой половиной III в. до н.э. – Ю.З.) надо объяснять в первую очередь резкими и внезапными изменениями демографической и политической ситуации в Северном Причерноморье в целом, а не поступательным внутренним развитием позднескифского общества»⁶. По мнению О.Д. Дашевской, перенос центра позднескифского государства из Приднепровья в Крым произошел к концу III в. до н.э., и, несомненно, был связан с натиском сарматов⁷.

¹ АГСП. 1984. С. 16 сл.; *Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1; *он же.* Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989. С. 230–250; *Зубар В.М.* Про пізньоскіфську державність // Археологія. 1992. № 1; *Храпунов І.М.* До соціально-політичної характеристики пізньоскіфського царства // Археологія. 1992. № 1. С. 86–90; *Ольхонський В.С.* Про дискусію питання соціально-політичної історії пізньоскіфської держави // Археологія. 1992. № 2.

² *Артамона М.И.* Скифское царство в Крыму // ВЛГУ. 1948. № 8. С. 56–78; *Граков Б.М.* Скифы. Киев, 1947. С. 86; *Шульц П.Н.* Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953. С. 9 сл.; *он же.* Исследования Неаполя Скифского (1945–1950 гг.) // История и археология древнего Крыма. М., 1957. С. 84.

³ *Высотская Т.Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 5–11; *Высотська Т.М.* До питання про соціально-політичну структуру пізньоскіфської держави // Археологія. 1992. № 2. С. 139–140; *Храпунов.* Ук. соч. С. 86.

⁴ *Ольхонский В.С., Храпунов И.Н.* Крымская Скифия. Симферополь, 1990. С. 64–67.

⁵ *Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н.* Основные проблемы этнической истории Крыма // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. III. Симферополь, 1993. С. 213.

⁶ *Щеглов А.Н.* Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1988. С. 32.

⁷ *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д. 1–7. М., 1991. С. 43.

Противоположная концепция напротив отрицает явную преемственность двух упомянутых образований: между скифами VII–IV вв. до н.э. и самыми ранними позднескифскими памятниками лежит не менее чем столетняя временная лакуна, а материальная культура поздних скифов не имеет выраженных черт классической скифской культуры⁸. В этом случае ее формирование представляется процессом синтеза самых различных культур региона, причиной которого стали события конца III – начала II в. до н.э.⁹

Дальнейшая история Крымской Скифии во II в. до н.э. реконструирована относительно единогласно и может быть определена несколькими основными моментами. В хронологическом порядке они распределяются следующим образом: постоянная скифская экспансия на херсонесские территории в конце III – начале II в. до н.э.; 179 г. до н.э. – договор Херсонеса с Фарнаком I Понтийским, ко времени которого приурочены события из новеллы об Амаге¹⁰; приход к власти Скилура, очевидно, в середине столетия, захват «дальней» хоры Херсонеса в Северо-Западном Крыму, протекторат над Ольвией и союзнические отношения с Боспором¹¹; знаменитая военная кампания Диофанта, полководца Митридата VI Евпатора в 114–108 гг. до н.э., защитившего Херсонес и разгромившего скифо-сарматское войско Палака и Тасия¹². Так реконструируются события на основании свидетельств древних авторов и эпиграфических документов¹³. Многие из этих событий неоднократно были подтверждены данными археологии¹⁴, и в первую очередь материалами из Неаполя Скифского – эталонного памятника позднескифской культуры Крыма.

Что же представлял собой Неаполь Скифский в различные исторические периоды и как менялось представление о нем по мере накопления информации? После первых раскопок Неаполь времени Скилура считали родосской колонией, затем греко-скифским городом¹⁵. Согласно выводам Н.Л. Эрнста, в эллинистическое время он представлял собой «...укрепленный лагерь кочевых юрт»¹⁶, а по мнению П.Н. Шульца, это был город-крепость, резиденция скифских царей, захваченный и сожженный в конце II в. до н.э. войсками Диофанта. Как он предполагает, в мавзолее были захоронены Скилур и представители царского аристократического рода¹⁷. Эти и другие положения получили дальнейшее развитие в работах Т.Н. Высотской, представляющей Неаполь городским центром государственного образования поздних скифов, который был основан в конце IV в. до н.э. путем перенесения скифской столицы из Каменского городища¹⁸. Как считает С.Г. Колтухов, «в эллинистическое время у городища были явно выражены черты военно-административного центра позднескифского государства»¹⁹. Специально анализу Неаполя «эпохи Диофантовых войн» посвящена работа Ю.П. Зайцева и А.Е. Пуздровского, где кратко приведен весь известный к 1989 г.

⁸ Пуздровский А.Е. Население Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. до н.э. (этнополитический аспект): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1993. С. 14; Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. Неаполь Скифский в эпоху диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 232; Зайцев Ю.П. Хронология Неаполя Скифского // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. V. Запорожье, 1995. С. 89 сл.

⁹ Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский во II в. до н.э. – III в. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1995. С. 19.

¹⁰ Дашевская. Ук. соч. С. 42; Пуздровский. Население... Скифии. С. 7.

¹¹ Виноградова. Вотивная надпись... С. 85; он же. Политическая история... С. 240 сл.

¹² АГСП. С. 17; Виноградова. Вотивная надпись... С. 72–74.

¹³ Strabo. VII; Polyæn. VIII. 56; IOSPE. I². 402; 352 и др.

¹⁴ Дашевская. Ук. соч. С. 42–44.

¹⁵ Blaramberg J. De la position de trois forteresses Tauro-Scythes dont parle Strabon // ИТУАК. 1889. № 7. С. 61; Ростовцев М.И. Эллинизмо и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 108.

¹⁶ Эрст Н.Л. Раскопки в 1926 году // НА ЛОИА АН России. 1926. Ф. 2. Оп. 1. Л. 6.

¹⁷ Шульц. Исследования Неаполя Скифского... С. 72, 82, 118.

¹⁸ Высотская. Неаполь... С. 190–197.

¹⁹ Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии (III в. до н.э. – III в. н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1992. С. 13.

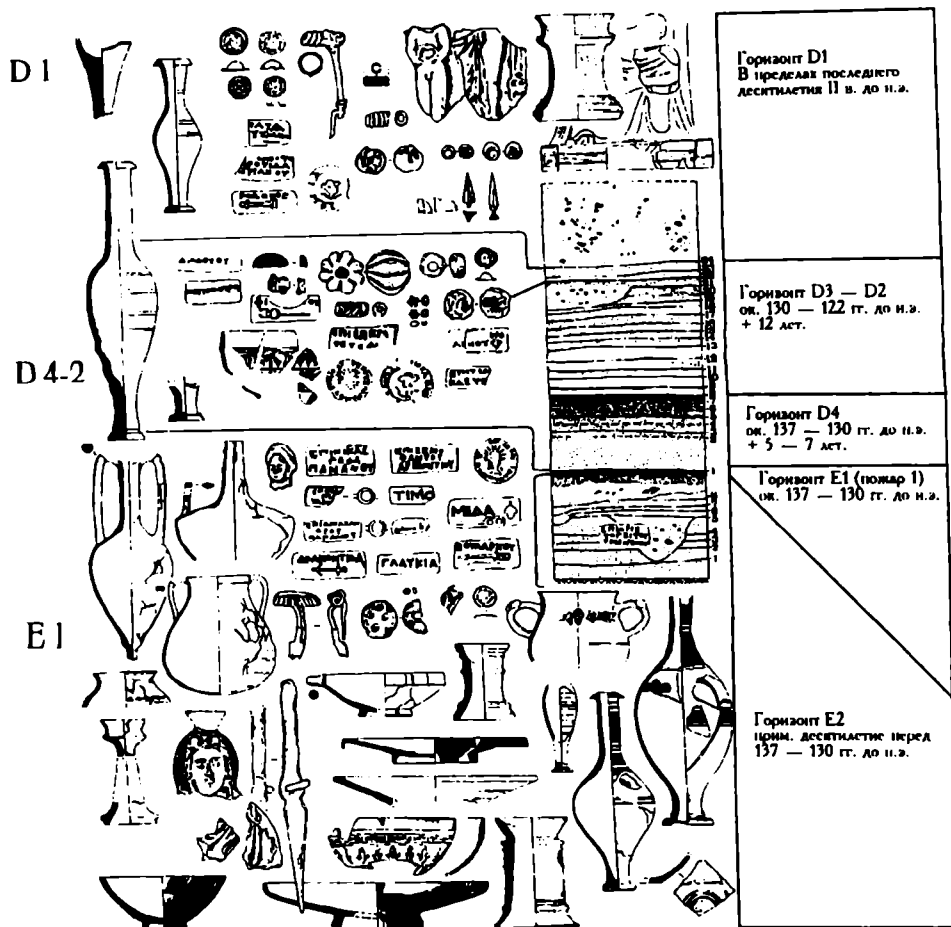

Рис. 1. Стратиграфия и хронология Южного дворца Неаполя скифского.
Сводная таблица

фактический материал и построена модель исторической реконструкции Неаполя в первый период его существования (конец III—II в. до н.э.).²⁰ Последовавшие затем исследования 1989–1993 годов в районе центральных ворот Неаполя²¹ дали принципиально новые материалы, позволившие вновь обратиться к анализу этого важного памятника эллинистического периода. Здесь впервые была открыта максимально полная колонка отложений II в. до н.э.,²² что дало возможность разделить слой этого времени на конкретные горизонты (E2–D)²³. «Субъективное» хронологическое их распределение – результат анализа микростратиграфии культурных отложений Южного дворца, суммарная объективная датировка которых (по 400 родосским клеймам и 6 монетам) может быть определена в границах второй половины II в. до н.э.²⁴ (рис. 1).

²⁰ Зайцев, Пуздровский. Ук. соч.

²¹ Зайцев Ю. П. Исследования Южного дворца Неаполя Скифского // Археологические исследования в Крыму в 1993 г. Симферополь, 1994.

²² Он же. Хронология... С. 71–80.

²³ Естественно, что такая работа показала некоторые слабые места и ошибочные выводы более ранних разработок, в том числе последних, в которых представлено цельное восприятие культурных остатков более чем столетнего (как считалось) временного промежутка – конца III–II в. до н.э. Отсюда и выводы, объединяющие по сути разновременные объекты.

²⁴ Зайцев. Хронология... С. 79.

Исходя из новейшей схемы, история Неаполя Скифского может быть достоверно прослежена с середины II в. до н.э. (период Е), когда на будущей территории крепости находилась группа укрепленных усадеб эллинистического облика²⁵. Для второго этапа периода Е (Е2) отмечено повсеместное появление различных строительных объектов, составляющих сильно разреженное поселение. В его структуре сформировался «мегаронный поселок» – аристократическое ядро и предшественник будущего дворца. Заключительная стадия этого первого неапольского периода предположительно выразилась в одновременном строительстве дворцового мегарона и первой оборонительной стены. «Докрепостной» период Е был внезапно прерван тотальной катастрофой – пожаром, случившимся в период около 135–130 гг. до н.э.

Материальная культура «прото-Неаполя» в период Е объединяла некоторые своеобразные черты и признаки: в типологическом ряду архитектурных сооружений были тогда представлены усадьбы, мегароны, однокамерные и многокамерные дома греческого типа, сооружения типа конических шалашей и полуземлянок; строительная техника всех перечисленных объектов отличалась общим относительно низким уровнем. К этому можно добавить смешанный (скотоводство и земледелие) уклад хозяйства, примитивный быт и культы, связанные с почитанием сил природы и домашнего очага, с плодородием и скотоводством. Картину дополняет широкое распространение культов греческих женских божеств²⁶.

Последующие кардинальные перемены в облике Неаполя позволили определить второй период его истории (D) как «крепостной дворцовый»²⁷. Большая часть ранее заселенной территории (ок. 18–20 га) была превращена в обширное укрепление, которое на протяжении последней трети II в. до н.э. подвергалось целенаправленным и масштабным реконструкциям. Единственным(?) фундаментальным комплексом на территории крепости стал теперь Южный дворец, занимавший район центральных ворот и разрушенный во время (или после) вероятного присутствия здесь понтийского гарнизона²⁸.

Эволюция этого сложного архитектурного объекта может быть разделена на три фазы. Еще в период Е среди всех остальных объектов Неаполя выделялись мегарон Н и «дом с полуподвалом», построенные, вероятно, одновременно с оборонительной стеной и накануне разгрома, сопровождавшегося пожаром²⁹.

На первом этапе периода D (сразу после пожара 1) происходит восстановление мегарона и строительство первых сакральных объектов: бассейна I и здания с портиками К (рис. 2). Этот комплекс мог существовать (согласно «субъективной» хронологии) немногим более 5–7 лет³⁰.

²⁵ Самые ранние культурные остатки, обнаруженные на неапольском плато, представляют собой следы неукрепленного поселения конца IV – начала III в. до н.э. (период F), относящегося к кизил-кобинской археологической культуре. Связь его с городищем в хронологическом и культурном плане полностью отсутствует.

²⁶ Зайцев. Неаполь Скифский... С. 10–12.

²⁷ Там же. С. 9 сл.

²⁸ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1992.

²⁹ Это были классический мегарон размером 25 x 9,6 м (при толщине стен 1,3 м) с двумя входами, с каменной скамьей-полкой и очагом, и прямоугольное в плане здание, от которого сохранился вырубленный в скале котлован (18 x 8 x 0,6 м). Судя по археологическим данным, оба дома накануне пожара были буквально переполнены родосскими, синопскими, киндскими, коскими амфорами с вином, маслом и другими продуктами. В зданиях хранились богатые и исключительно разнообразные наборы гончарной, черно- и буrolаковой посуды, «мегарских» чашек, светильников, флаконов, керамических алтариков, финиатериев и терракот женских божеств. Богатейшему керамическому комплексу сопутствовали находки деталей шкатулок и мебели, бусы, фибула, золотые бляшки, железный портупейный крюк, другие металлические предметы (рис. 1).

³⁰ За это время вокруг мегарона, а также в котлованах полуподвала и соседних землянок накопился зольно-суглинистый слой небольшой мощности, насыщенный раздробленными костями животных и фрагментами разнообразных керамических изделий. Наибольшая их концентрация отмечалась локальными участками у восточного входа в мегарон, на дне подвала и в полуземлянках. Показательна комплектность керамических находок, часто представляющих собой археологически целые экземпляры: амфоры с обильным винным осадком, черно- и буrolаковые канфары, тарелки, чашки, в том числе «мегарские».

Заключительная фаза эволюции дворца (D3) отмечена созданием единого архитектурного ансамбля сложной структуры площадью ок. 0,5–0,6 га. Центром комплекса по-прежнему оставался мегарон и закрытый двор – площадка, окруженные домами греческого типа и различными объектами культового, общественного и погребального назначения (здания с портиками, бассейны, алтарь, мавзолей)³¹.

Мавзолей (сначала – отдельно стоящее сооружение, превращенное затем в оборонительную башню³²) по единогласной оценке специалистов представляет собой уникальное явление в погребальной практике античного Северного Причерноморья. Недавний пересмотр материалов раскопок мавзолея позволил откорректировать наблюдения Н.Н. Погребовой и П.Н. Шульца³³ и выделить три основных этапа в процессе использования его погребального пространства³⁴. По мнению большинства исследователей, главное и наиболее раннее – это захоронение в каменной гробнице, многократно опубликованное и проанализированное³⁵. Несмотря на это, обращение к материалам данного комплекса привело к неожиданным результатам, принципиальное значение которых диктует необходимость повторного его описания³⁶.

флаконы, лагины, кухонные гончарные сковороды и кастрюли, алтарики, светильники, простая гончарная и лепная посуда. Таким образом, весь археологический контекст слоя позволяет предположить, что он накопился здесь в результате регулярных выбросов бытового мусора и «гастрономических отходов» именно из мегарона.

³¹ К югу от здания Н располагался парадный двор, ограниченный «Восточным домом» и «домом Р» (рис. 2, 3). Западный сектор «хозяйственно-жилого блока» дворца (условное название северной части комплекса) построек не имел – насколько можно судить по раскопанной площади. Здесь накопился слой 30-летнего суглинка-гумуса с огромным количеством костей животных и керамики, заполнявший также все скальные выемки более ранних сооружений – подвала, бассейна, землянок. «Культовый блок» располагался в южной части комплекса, непосредственно перед крепостными воротами, и состоял из «здания с портиками Л», предполагаемого бассейна 2, расположенного перед ним, и фундаментального алтаря в восточной части. Мавзолей – предполагаемое место захоронения обитателей Южного дворца, располагался в 50 м к югу от мегарона сразу за воротами (рис. 2, 3). Внутри мегарона при неизменном в целом устройстве за 20–22 года произошли существенные поэтапные изменения: смонтирован новый очаг, сооружена загородка, западная стена украшена фресковой росписью и т.п.

³² Шульц. Мавзолей... С. 12 сл. Строительный материал, использованный при возведении погребальной камеры, представлен целыми и в основном бракованными, но хорошо обработанными блоками и плитами. При этом многие треснутые и сколотые квадраты, в том числе рустованные, оказались идентичны строительному материалу «здания с портиками Л» и других синхронных сооружений. Учитывая общепринятую современную широкую датировку мавзолея (вторая половина II в. до н.э.), этот факт можно объяснить одновременностью строительства всех объектов Южного дворца упомянутого горизонта. «Зданию с портиками Л», как наиболее парадному и значительному общественному сооружению, предназначался качественный и целый обработанный камень. Экземпляры более низкого качества (треснутые, обколотые, аморфной рассыпчатой структуры и т.п.) были использованы для монтажа внутренних панцирей погребальной камеры, скрытой от большинства посторонних глаз. Вместе с тем, наиболее обозреваемые южный и восточный фасады постройки выполнены из крупных известняковых плит в двухрядной орфостатной сложной технике (нижняя часть) и в постелисто-орфостатной (мозаичной) технике (верхняя часть и внутренние панцири).

³³ Шульц. Мавзолей... С. 35; Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. № 96. С. 103–105.

³⁴ I этап – использование мавзолея для размещения двух наиболее знатных умерших – мужчины в каменной гробнице и женщины в саркофаге, сопровождаемых четырьмя конскими захоронениями и стратиграфически связанными с уровнем известнякового пола. См. Зайцев Ю.П. Мавзолей Неаполя Скифского // Археология. 1992. № 1. С. 96–97; он же. Верховная знать Неаполя Скифского (Новое исследование захоронения в каменной гробнице мавзолея) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. II этап – появление плотной глинистой засыпи в восточной и западной частях погребальной камеры, где были устроены коллективные многоярусные могилы, располагавшиеся двумя параллельными рядами – у западной и восточной стен. Они представляли собой различные по ширине и жестко амортизированные в глину деревянные ящики. По мере совершения захоронений более ранние остатки периодически перекрывались деревянными настилами. Центральную часть мавзолея в этот период занимали две одинаковые, но неодновременные могилы (дощатые гробы в суглинке), поверх которых накопился целый слой истлевшего дерева, перемешанных костных останков и инвентаря. III этап – деревянные узкие ящики с одиночными захоронениями у стен и группа почти безынвентарных погребений в юго-восточном углу.

³⁵ Шульц. Мавзолей... С. 25–28; Погребова. Ук. соч. С. 104.

³⁶ Зайцев. Верховная знать... С. 94–105.

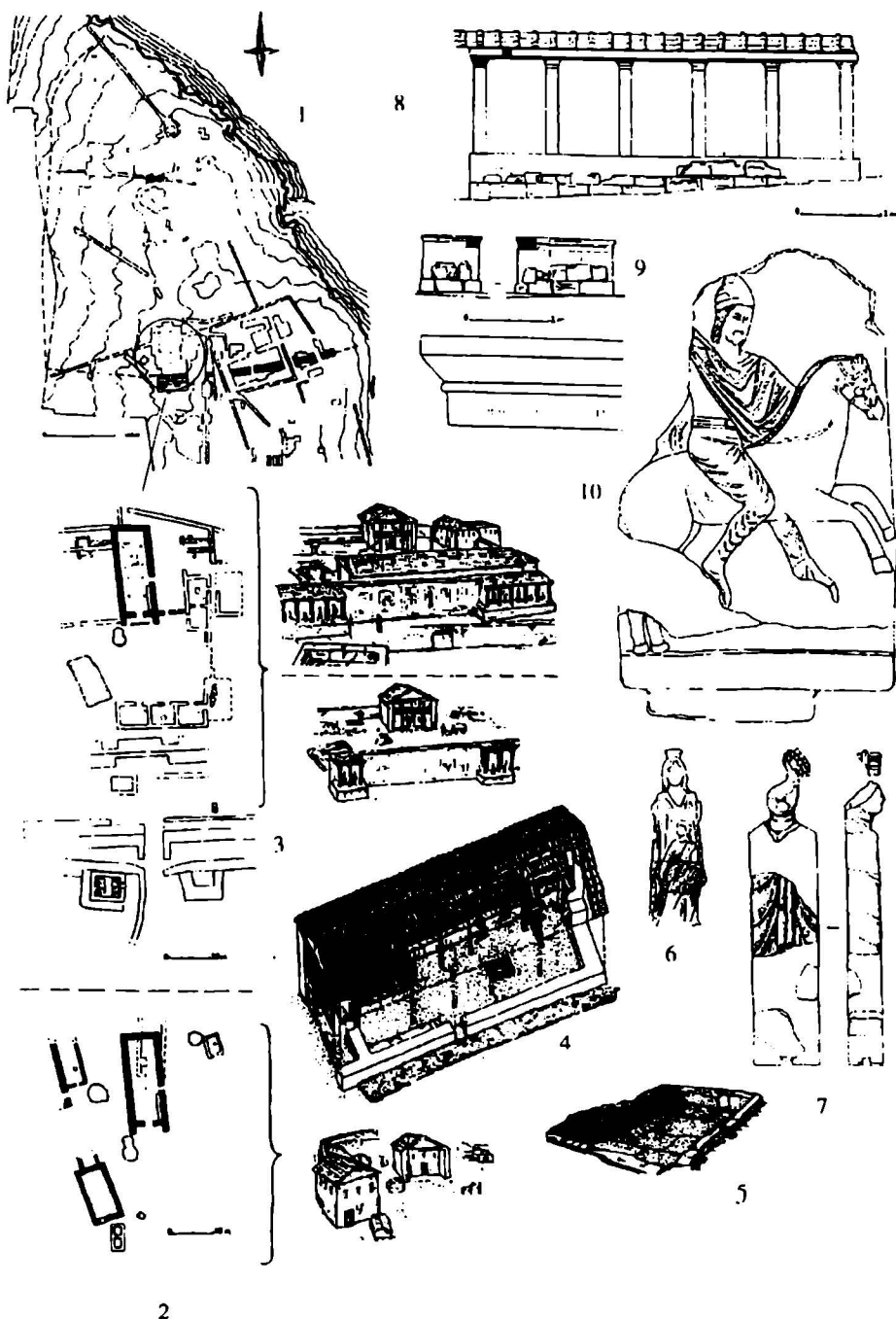

Рис. 2. Южный дворец Неаполя скифского: 1 – план Неаполя скифского с обозначением расположения дворца; 2 – план и эскиз реконструкции «мегаронного поселка» периода E; 3 – план и поэтапные эскизы реконструкций Южного дворца периода D; 4 – реконструкция мегарона H; 5 – бассейн I; 6 – реконструкция мраморного гекатейона из мегарона H; 7 – известняковая герма Дитагойи (?) из мегарона H; 8 – реконструкция фасада «здания с портиками Л»; 9 – монументальный алтарь; 10 – рельеф «конного Палака»

В гробнице из восьми обработанных известняковых плит, установленных в скальном котловане³⁷, находились останки мужчины 40–50 лет (рис. 3). По бокам от костяка зафиксированы следы дерева (гроба?), а в разных местах на дне – следы белой ткани с тонкими красными полосками и остатки обильного золотого шитья. Инвентарь: у правого плеча – три золотые бляшки с антропоморфным изображением, обломки железных псалиев и наконечник дротики. На тазовых костях обнаружены бронзовые и железные детали двух поясных наборов, две фибулы – золотая ромбовидная с гнездами для вставок и серебряная «зарубинецкая» типа». Справа у таза зафиксирован железный нож и серебряный чеканный футляр треугольной формы. В ногах и под ними размещалось три железных наконечника копий: здесь же находился разломанный на четыре-пять частей латенский меч в железных ножнах и массивное серебряное украшение. У левого колена обнаружено скопление втульчатых и черешковых железных наконечников стрел, а у южной стенки – раздавленный железный шлем «типа Пилос». На нем и под ним найдены две железные кольцевые пластины. Золотые спиральные ленты, обвитые вокруг истлевших шнуров, зафиксированы на длинных костях конечностей. Два бронзовых перстня с изображениями на щитках, украшали, очевидно, фаланги пальцев, а бронзовая «зарубинецкая» фибула, полностью аналогичная серебряной, находилась возле левого бедра. У правого колена была обнаружена бронзовая фибула-брошь с чеканным антропоморфным изображением на круглом щитке.

Самую многочисленную группу находок составляли более 800 золотых украшений, лежавших среди и поверх тазобедренных костей³⁸. Детальное исследование материалов позволило поставить под сомнение однозначную интерпретацию их скопления как украшения рукавов, подола кафтана и гипотетического горты³⁹. Если нашивные украшения с петлями и могли составлять отделку костюма, то основная масса бляшек может быть трактована иначе. Прежде всего, показательно их действительное расположение: хаотично, но компактной группой, вытанутой наискосок поверх костяка. Многие пластины и нашивки в несколько слоев перекрывали друг друга, стояли на ребре, были перевернуты и т.д. Треугольное «навершие», залегавшее на краю основного скопления, также оказалось перевернутым. Картину дополняет значительный процент аппликаций, совершенно не характерных для одежды. Все это позволяет предположить, что погребенного покрывало свернутое полотнище, может быть треугольной формы (штандарт?), увенчанное крупной рельефной пластиной (рис. 3). Его декор составляли либо все золотые фигурки, либо только аппликации; тогда нашивки могли украшать одежду.

Кратко представленная на этих страницах картина всего погребения позволяет построить простую логическую модель, с помощью которой возможно предпринять попытку определить статус, принадлежность и назначение Южного дворца Неаполя Скифского. Так, столичный характер Неапольской крепости во II в. до н.э. не вызывает сомнений. Вероятно, есть также основание предполагать, что Южный дворец

³⁷ Шульц. Мавзолей... С. 21, 23. Рис. 9.

³⁸ Скопление золотых украшений включает нашивки в виде рельефной звездочки с центральным гнездом для эмалевой вставки (20 шт.), в виде «почки» (22 шт.), «мухи» (20 шт.), «щита» с эмалевыми вставками в виде кружка и четырех полумесяцев (10 шт.), таких же «щитов», но без полумесяцев (11 шт.), 34 рельефные львиные головки с эмалевыми вставками глаз и дисками на цепочках, 346 трубочек-пронизей, 67 боченовидных бусин с рубчатými валиками по краю, а также три типа нашивок с петельками на оборотной стороне: 25 полушарных бляшек и по 21 бляшке с дисковидными подвесками на цепочках в виде простого полушария и умбона с точечным ободком по краю. Другая группа – аппликативные украшения со сплошным точечным орнаментом: 57 каплевидных, 13 малых и 3 больших треугольных пластинки, а также фигурки в виде «бегущей волны» – 69 правых и 41 левая. Интересен предмет треугольной формы, изготовленный из золотого листа, обжатого на жесткой основе по двум граням. С выпуклой лицевой стороны он украшен четырьмя рельефными полосами (рис. 3).

³⁹ Шульц. Мавзолей... Рис. 10 и табл. 1; реконструкция их расположения на подоле кафтана выполнена произвольно и лишена оснований.

имел особое значение в городской системе Неаполя времени Скилура и Палака; ничего подобного более пока неизвестно на других «варварских» памятниках региона. Мавзолей как место погребения обитателей дворцового комплекса является следующей ступенью модели, венчает которую захоронение в плитовой гробнице. Иначе говоря, очевидно, что в мавзолее Южного дворца Неаполя Скифского представлен уникальный факт захоронения «первого лица» Крымской Скифии второй половины II в. до н.э.

Действительно, уже 50 лет этот комплекс остается наиболее богатым и ярким среди синхронных погребальных памятников Крыма; сочетание исключительных признаков (формы погребального сооружения, его местоположения и соседства с богатым дворцовым комплексом) свидетельствует о неординарной личности умершего, которому были возданы высочайшие последние почести. Предположение о захоронении в мавзолее Скилура выдвинул еще П.Н. Шульц, в доказательство чему была приведена пластическая реконструкция М.М. Герасимова по черепу, сопоставленная с монетными и скульптурными изображениями⁴⁰. Н.Н. Погребова не согласилась с такой интерпретацией, приведя в доказательство более позднюю датировку комплекса этого погребения, которая должна была свидетельствовать о захоронении в каменной гробнице Палака⁴¹.

В свете подобных разногласий решающее значение приобретает уточнение датировки всего комплекса инвентаря в сочетании с общими закономерностями эволюции дворца. Как уже отмечалось, мавзолей строился явно не по факту смерти, а заранее – во время генеральной реконструкции всего дворцового комплекса на втором этапе периода D (по «субъективной» хронологии – ок. 125 г. до н.э.)⁴². Латенский меч в железных ножнах со скобой и бутеролью относится к фазам C1a–C2 (241–116 гг. до н.э.) по европейской периодизации, при этом другой подобный меч из мавзолея М.Б. Шукин датирует временем, близким к 180-м годам до н.э.⁴³ Шлем находит аналогии в прикубанских комплексах (Ахтанизовка, Дачи) второй половины – конца II в. до н.э.⁴⁴ Фибула-брошь имеет типологическое сходство с такими же предметами из богатых захоронений Таманского полуострова, относящихся ко времени от середины до конца II в. до н.э. Более того, во Второй гробнице Артюховского кургана, который датируется 140–125 гг. до н.э.⁴⁵ аналогичный предмет найден также на тазовых костях того мужского погребения. «Зарубинецкая» фибула наиболее суммарно может быть датирована II–I веками до н.э.⁴⁶, однако, применительно к Северному Причерноморью, появляется все больше данных для того, чтобы ограничить время их бытования II в. до н.э.⁴⁷ И наконец, железные втульчатые стрелы удлинённых пропорций также теперь относятся в основном к III–II вв. до н.э.⁴⁸ Не менее показателен и тот факт, что подавляющее большинство коллективных погребений мавзолея следующего, второго этапа содержало характерные наборы керамических сосудов, украшений и золотых изделий, точные аналогии которым в изобилии известны в культурных отложениях дворца периодов E–D (ок. 135–108 гг. до н.э.) и практически отсутствуют в более позднем слое периода C 3 (рубеж II–I вв. – середина I в. до н.э.)⁴⁹.

⁴⁰ Шульц. Мавзолей... С. 65.

⁴¹ Погребова. Ук. соч. С. 179.

⁴² Зайцев. Неаполь Скифский... С. 10.

⁴³ Шукин М.Б. О галатах и дате декрета в честь Протогена // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 102; он же. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 139.

⁴⁴ Спицын А.А. Фалары Южной России // ИАК. 1909. 29. Рис. 48.

⁴⁵ Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979. С. 8.

⁴⁶ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. // САИ. Вып. Д 1–30. М., 1966. С. 17 сл.

⁴⁷ Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 3. С. 202 сл.

⁴⁸ Дэш-Райко Г.А., Суничук В.Ф. Комплекс предметов скифского времени из с. Великопоское // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 154; Дашенская. Ук. соч. С. 34.

⁴⁹ Зайцев. Хронология... Рис. 6, 7.

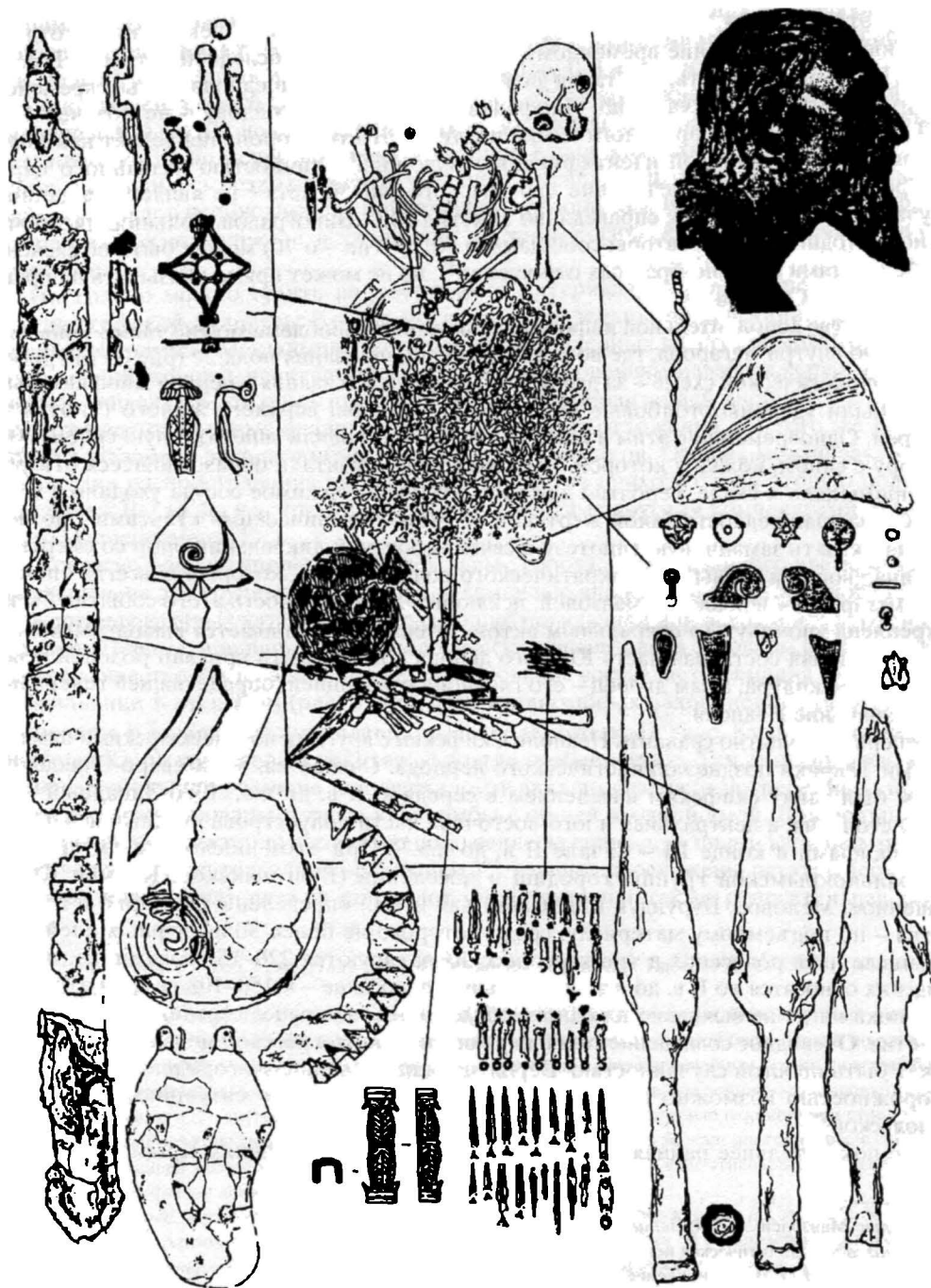

Рис. 3. Материалы захоронения в каменной гробнице мавзолея – предполагаемого Скилура. Реконструкция лица по черепу (автор М.М. Герасимов)

Все это, кажется, позволяет в данном случае исключить I век до н.э. и отдать решающее предпочтение временному отрезку в пределах последней четверти II в. до н.э.⁵⁰ Нетрудно заметить, что такая датировка совпадает с предполагаемым временем смерти Скилура накануне войн Диофанта (по Ю.Г. Виноградову – не позднее 114/113 г. до н.э.⁵¹), а весь археологический контекст этого захоронения делает наиболее вероятной и заманчивой идентификацию мужчины с личностью названного царя. Антропологическое определение его возраста (40–50 лет)⁵² не является в данном случае препятствием: как справедливо заметил Ю.Г. Виноградов, большое число его сыновей (одни древние авторы сообщают о 50, другие – о 70) может быть объяснено особенностями семейно-брачных отношений⁵³, но не может прямо указывать на преклонные годы Скилура.

В качестве дополнительной информации по данной проблеме можно также привести ситуацию внутри мегарона, где во время функционирования пола 22 (рис. 1) (по дробной хронологической схеме – за два года до разрушения здания в период Диофантовых войн) были удалены столбовые конструкции – опоры верхнего жилого (?) этажа-галереи. Одновременно с этим в ямку за очагом установили запечатанную синопскую амфору с вином, ножка у которой была аккуратно отбита, а образовавшееся отверстие примыкало к скале, вероятно для того, чтобы содержимое сосуда уходило в землю. Очевидная редкость такой жертвы и ее связь с хтоническими культами⁵⁴ позволяет высказать заманчивую гипотезу о связи вероятной ликвидации опор со смертью хозяина дворца и главы аристократического рода Скилура, который навсегда «покинул» мегарон и «перешел» в мавзолей; исключительная важность этого события была закреплена упомянутым сакральным актом. Отсюда напрашивается вывод: мавзолей как важнейшая составная часть Южного дворца должен быть признан родовой усыпальницей Скилура, а сам дворец – его главной резиденцией, определявшей генеральное назначение Неаполя.

Теперь любопытно сравнить Неаполь Скифский с другими позднескифскими памятниками Таврики позднеллинистического периода. Считается, что Северо-Западный Крым был занят скифским населением в середине II в. до н.э., Юго-Западный – к концу столетия, а центральная и юго-восточная части полуострова осваивались поздними скифами в конце III – начале II в. до н.э.⁵⁵ При этом последние датировки центральнокрымской группы городищ и поселений (Булганакское, Кермен Кыр, Вишенное, Меловое, Бурундук Кая, Сары Кая и т.д.) определены суммарно и почти всегда – по подъемному материалу, среди которого не более 30 аморфных клейм, в том числе пять родосских и три херсонесских датируются 220–150 годами н.э., пять кинидских относятся ко II в. до н.э., а остальные родосские – к 150–108 гг. до н.э.⁵⁶ При этом пока нигде не выявлено ни одного объекта, ни слоя ранее середины указанного столетия. Очевидное совпадение такой картины и хронологической модели Неаполя не может быть простой случайностью. Вероятно, для большинства городищ с известной осторожностью возможно предполагать стратиграфическую ситуацию, подобную неапольской⁵⁷.

Еще показательнее ранняя группа позднескифских захоронений Крыма: согласно

⁵⁰ Шульц. Мавзолей... С. 24; Зайцев: Верховная знать... С. 100.

⁵¹ Виноградов. Политическая история. С. 249.

⁵² Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу. М., 1955. С. 561.

⁵³ Виноградов. Политическая история... С. 249 сл.

⁵⁴ Попова Е.А. Позднескифские жертвенники с городища Чайка // СА. 1990. № 3.

⁵⁵ Дашевская. Ук. соч. С. 42 сл.

⁵⁶ Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1989 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. II. Симферополь. С. 30; Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии (в печати). С. 35–41.

⁵⁷ Неапольский слой наряду с массовым материалом второй половины II в. до н.э. содержит и более ранние аморфные клейма, чему может быть дано несколько вероятных объяснений, изложение которых выходит за рамки данной работы.

самым современным хронологическим разработкам, среди них не выявлено ни одного погребения, которое бы однозначно датировалось временем ранее середины II в. до н.э.⁵⁸, а большая их часть отнесена к концу II—I вв. до н.э.

Сопоставление этого факта с традиционной датой возникновения позднескифской культуры Крыма (конец III – начало II в. до н.э.) демонстрирует парадоксальную ситуацию, когда не менее полувека население Крымской Скифии не имело могильников и обходилось без захоронения умерших. Очевидное противоречие таких сравнений показывает необходимость критического обзора самых ранних позднескифских погребальных комплексов и уточнения их хронологической связи с населенными пунктами.

Насколько можно судить по имеющимся материалам, древнейшие захоронения позднескифской культуры Крыма могут быть выделены по сочетанию нескольких основных признаков и взаимовстречаемости определенных категорий инвентаря⁵⁹. Все они, с одной стороны, практически синхронны захоронениям мавзолея первого-второго этапов (инвентарь которых прочно «увязан» с периодизацией дворца), а с другой – имеют многочисленные аналогии среди находок из отложений все того же Южного дворца Неаполя Скифского (рис. 1) и других памятников. Отсюда можно заключить, что «пик» распространения упомянутых предметов приходится на вторую половину II – рубеж II—I вв. до н.э., что подтверждается многими другими комплексами из Северного Причерноморья⁶⁰.

Согласно общей типологии, погребальные сооружения указанного времени можно разделить на две группы: подкурганные каменные ящики-склепы вторичного использования и грунтовые катакомбы, образующие могильники или впущенные в курганные насыпи. Первые, при широком хронологическом диапазоне, в основном содержат большое количество захоронений (до 175); исключение составляет кремация 3–4 человек в могильнике Капак-Таш (рис. 6, 1)⁶¹. Для катакомбных захоронений, тяготеющих в основном к городищам и поселениям (Неаполь, Битак, Беляус, Кульчук, Димитрово, Кермен Кыр), характерны некоторые другие особенности⁶². Так, большинство камер имело небольшие размеры и содержало от двух до двадцати погребенных, неоднократно зафиксированы парные катакомбы с общей входной ямой. Для большинства захоронений характерно вытянутое положение на спине, с разными вариантами размещения рук и ног и различной ориентацией⁶³, изредка прослежены остатки деревянных гробов, колод, органических подстилок. Показательны также относительная скром-

⁵⁸ Дашенская. Ук. соч. С. 43; Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. С. 43–45; Пуздровский. Население... С. 8, 18.

⁵⁹ В нее входят античная керамика (веретенообразные флаконы, канфары, блюда, «мегарские» чашки, лагиносы, чашки с горизонтальной ручкой, некоторые другие формы столовой буролаковой посуды), среднелатенские и «зарубинецкие» фибулы, характерные металлические портупейные крюки, поясные бляхи и пряжки с неподвижным выступающим язычком, пластинчатые «наконечники ремней» – оконцовки треугольных чехлов-ножен (?), другие детали поясных наборов, втульчатые железные наконечники стрел и копий, разнообразные золотые украшения и бусы, некоторые типы бронзовых зеркал, многовитковые спиральные браслеты и кольца, концы которых часто особым образом оформлены в виде стилизованных змеиных голов, определенные формы лепных сосудов (рис. 4–7).

⁶⁰ Максимова. Артюховский курган; она же. О дате Артюховского кургана // СА. 1960. № 3; она же. Еще раз о дате Артюховского кургана // СА. 1967. № 2; она же. Заметка об ахтанизовском кладе // КСИА. 1969. № 116; Паронич-Пешикан М.Б. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974; Дашенская О.Д., Михлин Б.Ю. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. 1983. № 3; Михлин. Фибулы...

⁶¹ Колотухин В.А. Отчет о раскопках в горном Крыму в 1980 г. // Архив КФ ИА НАН Украины. № 253. Приношу искреннюю благодарность В.А. Колотухину за разрешение использовать неопубликованный материал.

⁶² В эту же группу входят и некоторые вторично использованные греческие склепы Северо-Западного Крыма: см. Михлин Б.Ю., Бирюков А.С. Склеп с уступчатым перекрытием в некрополе Керкинитиды // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983.

⁶³ Пуздровский. Население Крымской Скифии... С. 33 сл.

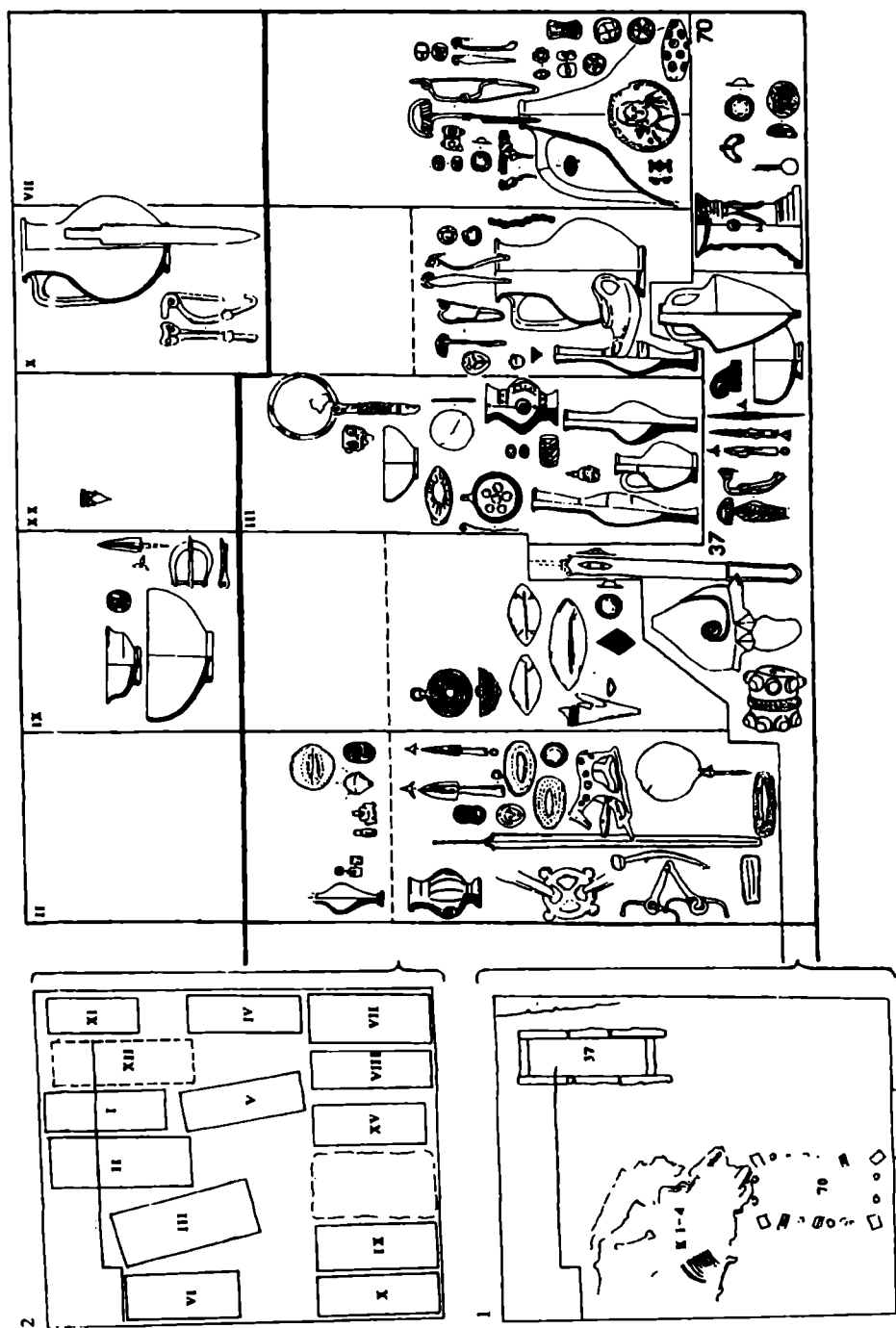

Рис. 4. Хронологическое соответствие некоторых находок из погребений мавзолея: 1 — первый этап; 2 — второй этап

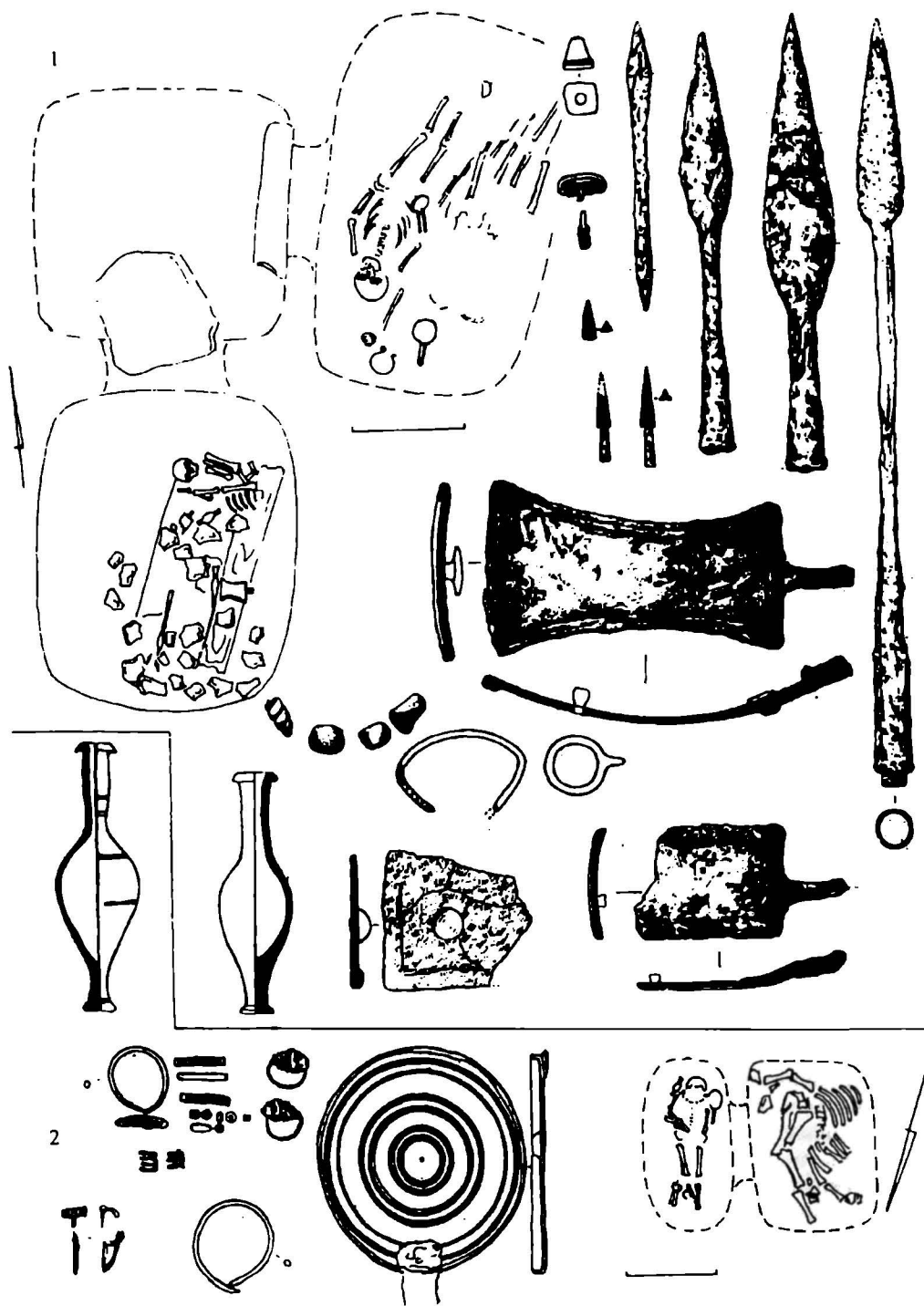

Рис. 5. Некоторые комплексы Восточного некрополя Неаполя скифского: 1 – склеп 39;
2 – могила 21

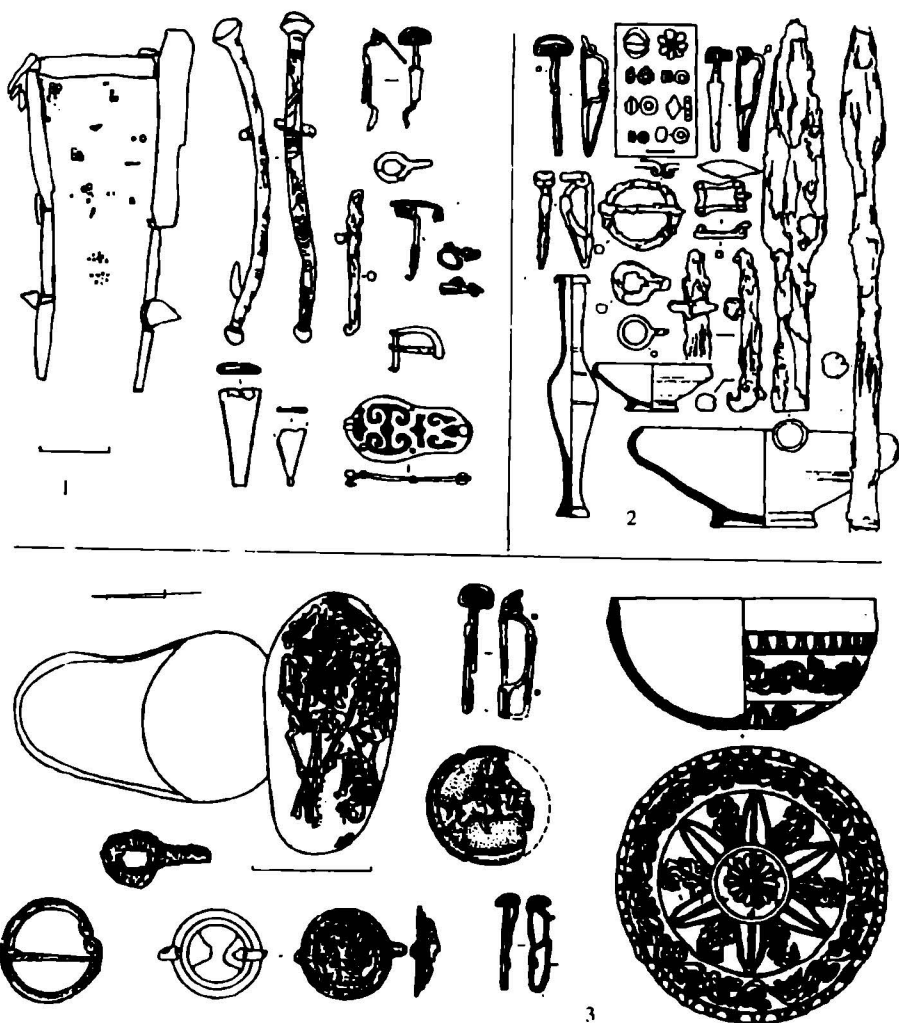

Рис. 6. Некоторые погребальные комплексы Центрального и Северо-Западного Крыма: 1 – склеп 1 кургана 1 могильника Капак Таш; 2 – склеп 8 кургана у городища Кермен Кыр; 3 – склеп 90 некрополя Беляуса

ность и ограниченная комплектность погребального инвентаря (большинство костяков сопровождалось одним-тремя предметами, довольно часты и совсем безынвентарные), сравнительная редкость керамики (при этом часть сосудов – туалетные флаконы, курильницы и светильники), ограниченность предметов вооружения при частой встречаемости воинской гарнитуры (ременных наборов, портупейных крюков, поясных блях, наконечников ножен) (рис. 5, 6).

Сопоставление этих погребальных комплексов с материалами Неаполя и других памятников Крымской Скифии позволяет сделать вывод о кратковременном формировании основных компонентов «позднескифской» культуры Крыма около середины II в. до н.э., что создает впечатление своеобразного демографического взрыва, охватившего Центральный и Северо-Западный Крым. Противоречие подобных рассуждений с традиционными концепциями формирования Крымской Скифии очевидно, что делает необходимым их согласование с новейшими исследованиями по синхронной этнополитической истории Центральной и Южной Евразии.

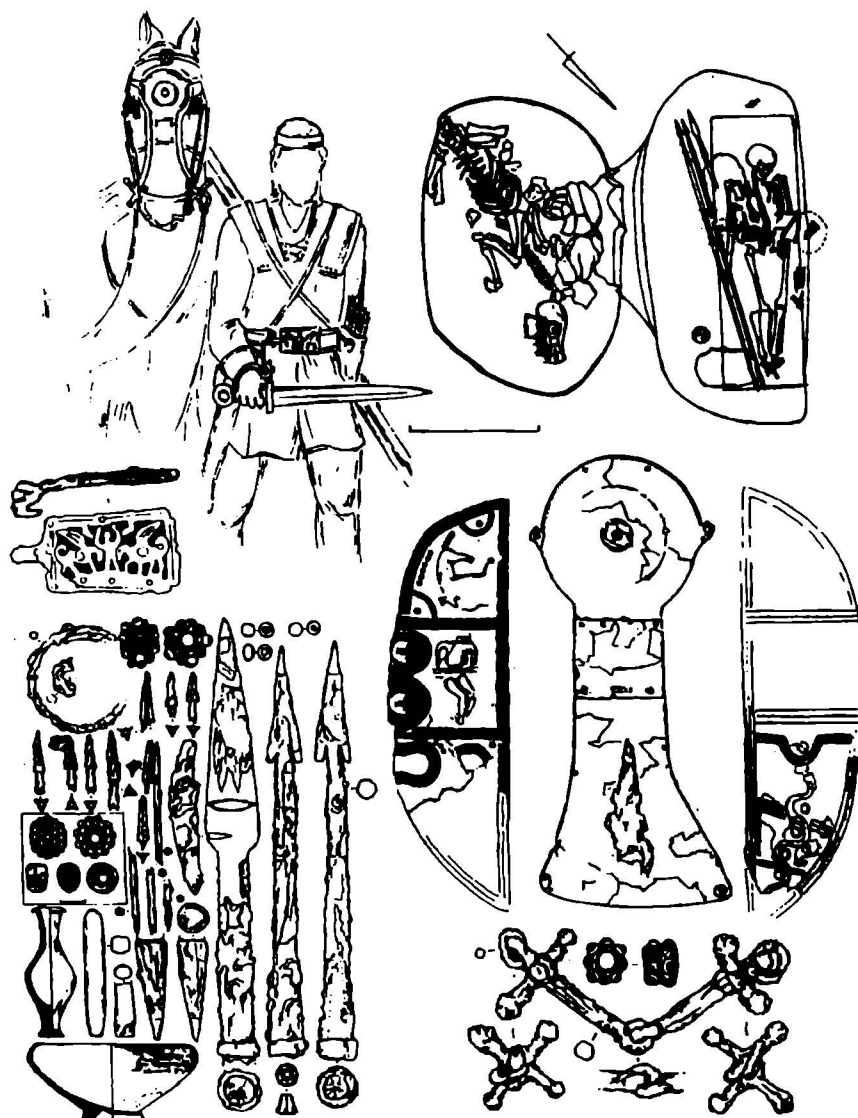

Рис. 7. Воинское погребение в кургане у с. Чистенькое

«Порожденная действиями хуннов в Центральной Азии, волна движения номадов, отголоском которой были события в Бактрии и Парфии, покатилась, возможно, и дальше на запад и затухла в причерноморских степях... Отмечено... приблизительно во II в. до н.э. появление новых памятников в районах Южного Казахстана, Средней Азии... перемены в Центральном Казахстане. В Минусинской котловине происходит смена сарагашенского этапа на теснинский»⁶⁴. В начале II в. до н.э. оформился мощный племенной союз во главе с сираками в Прикубанье, где локализуется царство Гатала⁶⁵.

⁶⁴ Шукш. На рубеже эр. С. 140 сл.

⁶⁵ Скрипкин А.С. К проблеме исторической интерпретации археологических параллелей в культурах алтайского и доно-уральского регионов в последние века до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск. 1993. С. 6–8.

«Исследования по хронологии сарматской культуры позволяют утверждать, что увеличение кочевого населения в степях между Доном и Южным Уралом начинается со II в. до н.э., причем апогей этого процесса приходится скорее всего на его середину. Именно с этого времени начинается освоение сарматами бывшей территории Великой Скифии, ощущается активизация кочевников на Кубани. С новыми кочевниками сармато-массагетского круга может быть сопоставлено распространение с середины II в. до н.э. на Северном Кавказе катакомбного обряда захоронения... События II в. до н.э., охватившие значительную часть евразийских степей: активизация хуннов на востоке, хунно-юэчжийский конфликт, падение Греко-Бактрии, появление новых группировок кочевников в степях от Южного Урала, захват сарматами территории Скифии – взаимосвязаны между собой и представляют звенья одной цепи»⁶⁶.

«В последние века до н.э. на территории Предкавказья формировались племенные союзы включавшие как кочевое, так и оседлое население... Материалы грунтовых катакомбных могильников... показывают, что на смену определенной стабильности, характерной для скифского времени... приходит культура с чрезвычайно неустойчивым набором признаков. Это и 27 видов катакомб, и неустойчивость ориентировки погребенных, и разнообразие форм керамики, в том числе и ритуальных сосудов. Все эти неустойчивые признаки наиболее проявляются именно в ранний период существования могильников II–I вв. до н.э., когда, по-видимому, только началось оформление новых черт этой культуры»⁶⁷.

Н.И. Сокольский связал гибель таманского толоса на азиатском Боспоре в середине II в. до н.э. с усилением натиска варварских племен с востока, которым могли предшествовать отдельные вторжения, обрушившиеся на восточную часть азиатского Боспора, а последующее восстановление на его месте укрепленного поселения в 20-х годах II в. до н.э. – с приходом аспургиан, выходцев из меото-сарматской среды⁶⁸. На европейском Боспоре, согласно В.П. Толстикову, первой половиной – серединой II в. до н.э. может быть датировано разрушение недостроенного(?) дворца Спартокидов на акрополе Пантикалея⁶⁹. Примерно в это же время в Восточном Крыму появляются катакомбные могильники типа открытых в некрополе Золотое⁷⁰.

Приведенные факты позволяют предположить, что формирование «позднескифской» археологической культуры Крыма и синхронное возникновение царства Скилура – явления одного порядка, порожденные мощным восточным импульсом первой половины – середины II в. до н.э., а направление этого импульса, помимо прочего, маркируют характерные катакомбные могильники Северного Кавказа⁷¹ и Боспора⁷².

Такая постановка вопроса, вероятно, может послужить достаточно весомым основанием для корректировки истории царства Скилура и делает весьма актуальной проблему соотношения этой личности с конкретным этносом или народом. Обряд и инвентарь его предполагаемого захоронения, совершенно нетипичные для Крыма, прямо указывают на районы Прикубанья и Таманского полуострова⁷³, в связи с чем пристальное внимание необходимо обратить на одну деталь. Явные следы лобной искусственной деформации черепа из каменной гробницы мавзолея⁷⁴ (редчайший

⁶⁶ Ждановский А.М. К истории сиракского союза племен (По материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990; Яценко С.А. Сиракский союз в Прикубанье (Проблемы уязки археологических и письменных источников) // Древности Кубани. Краснодар, 1991. С. 108.

⁶⁷ Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время. М., 1993. С. 104–106.

⁶⁸ Сокольский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 89.

⁶⁹ Толстиков В.П. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 84.

⁷⁰ Корпусова В.Н. Некрополь Золотое. Киев, 1983.

⁷¹ Абрамова. Ук. соч. С. 22–24.

⁷² Корпусова. Ук. соч. Табл. V, IX, XXIII, XXIV.

⁷³ Максимова. Артюховский курган. С. 9 сл. Рис. 20, а также см. библиографию; Эрлих В.Р. О местной группе бронзовых шлемов Закубанья // Древности Кубани. Краснодар, 1991.

⁷⁴ Герасимов. Ук. соч. С. 560.

случай для периода позднего эллинизма) сопоставимы с предположением С.А. Яценко о существовании такого обычая среди немногочисленного царского клана сираков, которое основано на сообщении Зинобия о «выборах» сиракских царей из числа самых длинноголовых⁷⁵. Не свидетельствует ли это о том, что Скилур был выходцем из аристократического рода сираков Прикубанья?

Вне всякого сомнения, мощный миграционный поток прокатился по территориям, заселенным «скифами» древних авторов. Однако население предгорного Крыма конца III – первой половины II в. до н.э., как уже было отмечено, достоверно по археологическим материалам почти не зафиксировано. Возможно, с автохтонными жителями Таврики связаны упомянутые коллективные погребения в подкурганых каменных ящиках-склепах, но это предположение требует специального обоснования.

Примечательно, что близкая ситуация в этот же период сложилась в северо-причерноморских степях, где «фиксируется... протекание жизненных процессов в течение III – начала II в. до н.э. в каких-то совершенно угнетенных формах, отразившихся в крайне незначительных археологических следах»; основной причиной этого предполагаются глобальные природно-климатические изменения⁷⁶.

В этой связи «восточный фактор» мог стать мощным катализатором этнополитического и демографического импульса, незамедлительно отразившегося на всей исторической ситуации Северного Причерноморья. События этого периода, связанные с зарождением «позднескифского» государства, могут быть проиллюстрированы упомянутыми неапольскими материалами.

«Докрепостной» период существования памятника, очевидно, отражает состояние стихийного освоения нового места обитания: более или менее отчетливо прослеживаются две стадии этого процесса – последовательное появление усадебных структур и разнотипной «внеусадебной» застройки. Тогда же, вероятно, наметился столичный характер «прото-Неаполя», выразившийся в формировании «аристократического квартала». Появление же оборонительных стен стало реакцией на быстрое нарастание военной угрозы, ярким свидетельством которой является катастрофический пожар, охвативший населенный пункт приблизительно в 135–130 годах до н.э. Политическая обстановка в Северном Причерноморье позволяет связывать его с вероятным сарматским разгромом, в связи с чем любопытно напомнить новеллу Полиена об Амаге⁷⁷, повествующую о внезапном захвате сарматской конницей скифской ставки, убийстве царя, угрожавшего Херсонесу, и передаче власти его сыну. Из широкого диапазона датировок этого легендарного события⁷⁸ привлекает внимание позиция Я. Харматты, который отнес его к середине – второй половине II в. до н.э.⁷⁹ Легко заметить, что такая дата совпадает с хронологией неапольского пожара I и соответствует последним разработкам проблемы датировки сарматского вторжения в Северное Причерноморье⁸⁰. С другой стороны, идеализированный жанр новеллы не позволяет привлекать ее в качестве полноценного достоверного источника: возможно, в ней отражены лишь общие исторические тенденции, что делает предельно проблематичными любые хронологические привязки. В любом случае возникает заманчивое предположение: не был ли «мегаронный поселок» ставкой, главным объектом нападения, упомянутого древними источниками? В этом случае сыном убитого царя мог быть Скилур.

В другом варианте события могут быть реконструированы при помощи известного неапольского посвящения ольвиополита Посидея Ахиллу, поставленного в благодар-

⁷⁵ Яценко. Ук. соч. С. 109.

⁷⁶ Полиен. От Скифии к Сарматии. С. 111–113.

⁷⁷ Polyen. VIII. 56.

⁷⁸ Ростовцев М.И. Амага и Тиргатао // ЗООИД. 1915. XXXII. С. 5–9; Граков Б.Н. Каменское городище. М., 1954. С. 27; Щеглов А.Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 128 сл.; Пуздровский. Население Крымской Скифии... С. 14.

⁷⁹ Harmatta J. Studies on the History of Sarmatians // Acta Arch. Ant. Acad. Hungaricae. 1970. 17–18.

⁸⁰ Полиен. От Скифии к Сарматии. С. 113.

ность за победу над пиратствующими сатархеями⁸¹. Упоминаемый в ней народ (сатархи – тохары – тафрии⁸²) локализуется в Северном Приазовье и признан весьма воинственным кочевым племенем азиатского происхождения, проникшим в Северное Причерноморье через Прикубанье и Северный Кавказ⁸³. Его враждебность к подданным Скилура, зафиксированная названным эпиграфическим документом, позволяет именно в сатархах видеть первых захватчиков Неаполя и других населенных пунктов Крымской Скифии.

Археологическая «неуловимость» этого этноса до недавнего времени делала предельно гипотетичными все рассуждения на указанную тему. Однако теперь ситуация несколько изменилась в лучшую сторону. В 1994 г. в Центральном Крыму было раскопано подкурганное впускное захоронение (вторая половина II в. до н.э.) воина с верховым конем (рис. 7)⁸⁴. Катакомба IV типа в совокупности с юго-западной ориентировкой нетипична для крымских территорий и, по мнению исследователей, является достаточно выразительным признаком сарматских культур Предкавказья и сопредельных территорий⁸⁵. Сочетание пластинчатого налобника и крестовидных псалиев также характерны для Прикубанья и Северного Кавказа⁸⁶. Однако особый интерес здесь представляет пара бронзовых чеканных нащечников, единственными и самыми прямыми аналогиями которым могут быть названы пластины из «клада» у с. Бубучь (окрестности г. Кишинева). Центральноевропейское происхождение этих предметов однозначно признано всеми исследователями⁸⁷, но, с другой стороны, они входят в состав одного из «комплексов с пластинчатыми налобниками», сарматских по принадлежности, в которых также присутствуют крестовидные псалии северокавказских типов и специфические воинские комплекты⁸⁸. На основании этих данных крымский комплекс по праву может быть включен в число таких своеобразных памятников и предположительно определен как погребение завоевателя-сатарха.

Превращение Неаполя после разгрома в большую «дворцовую» крепость, практически лишенную застройки, и кардинальные преобразования дворцового комплекса, происходившие параллельно с постоянным усовершенствованием оборонительных стен⁸⁹, могли быть одновременно и адекватной реакцией на внешнюю угрозу и своеобразным отражением стремительных достижений Скилура в области внутренней и внешней политики. Создание в кратчайшие сроки пусть даже подобия государственного образования, упрочение династических связей с Боспором⁹⁰, ольвийский протекторат с чеканкой собственной монеты⁹¹, военный конфликт с Херсонесом – этот неполный перечень основных внешнеполитических достижений Скилура демонстрирует незаурядную во всех отношениях личность исторического масштаба. Заслуженный и небывало высокий авторитет Скилура способствовал, очевидно, формированию особой идеологической атмосферы его царствования. Вся совокупность элементов неапольского Южного дворца может продемонстрировать абсолютное главенство цар-

⁸¹ Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. 1962. III. С. 39.

⁸² Библиографию см. Десятчиков Ю.М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1.

⁸³ Там же. С. 139–141.

⁸⁴ Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина эллинистического времени из предгорного Крыма // Археология Крыма. 1996. № 2.

⁸⁵ Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья. – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. 1972. № 1. С. 78; Абрамова. Ук. соч. С. 102 сл.

⁸⁶ Абрамова. Ук. соч. Рис. 24, 25; Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. Табл. 99, 3.

⁸⁷ Полин. От Скифии к Сарматии. С. 64 сл.; Шукин. На рубеже эр. С. 98 с.

⁸⁸ Полин. От Скифии к Сарматии. С. 103 сл.

⁸⁹ Колтухов С.Г. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. 1990. № 1. С. 187.

⁹⁰ Виноградов. Вотивная надпись... С. 85.

⁹¹ Фролова Н.А. Монеты скифского царя Скилура // СА. 1964. № 1. С. 44–55; Виноградов. Политическая история... С. 240 сл.

ского рода, доведенное до высшей точки – обожествления верховного вождя (Скилура) со всеми вытекающими последствиями. «Институт царей на ранних этапах его истории – явление не столько политической, сколько ритуальной сферы. От царя, по представлениям древних, зависело благополучие возглавляемого им коллектива, что... зависело от точности исполнения им определенных ритуальных действий... Именно "правильность" подобных действий... обеспечивала, с позиций архаического сознания, регулярную смену времен года, плодородие почвы, приплод скота и иные факторы материального благосостояния общества, защищало территорию социума от внешней опасности, сохраняло стабильность социальной организации... Иными словами, ритуальная деятельность царя была направлена на сохранение космического и социального порядка во всех его аспектах»⁹².

В связи с этим необходимо обратить внимание на штандарт(?) из каменной гробницы мавзолея: еще П.Н. Шульц указал на комплектность украшавших его золотых нашивок и аппликаций, представляющих «...сочетание образов, связанных с небом (звезды), с водой (волна), с землей (растительный мотив – бутон). Наряду с этими имеются атрибуты, связанные с человеком (щиты); львиные головки с подвесками могли иметь символическое значение "оберега" и вместе с тем они подчеркивали силу и власть покойного»⁹³. При явной условности подобных рассуждений все же очевидно, что такая комплектность имела глубокий сакральный смысл; может быть, на гипотетическом «стяге» было составлено сложное изображение космогонического характера, отражавшее роль и место покойного в общественной и культовой жизни?

В аспекте «царского» культа особенно показательны также структура и внутреннее устройство мегарона, наличие фундаментальных и сложных культовых объектов, максимальная концентрация соответствующей атрибутики всех уровней – от дорогостоящих уникальных рельефов, скульптур и посвящений до многих десятков керамических алтариков и лепных курильниц. Вероятно, некоторые церемонии были связаны с бассейнами: прослеженная *de facto* концентрация дождевой воды, покрывающей знаковые изображения, позволяет предполагать сезонные астрально-календарные празднества, связанные, может быть, с культом плодородия. Термический контекст здания с портиками показателен в плане сближения различных культов: героизированных вождей (рельефы «Скилура» и «Палака» (рис. 2), конная статуя Скилура, рельефы всадников)⁹⁴ и богов греческого пантеона, почитание которых сопровождалось многочисленными votivными приношениями. Полностью согласуется с «культом правителей» и смысловое назначение мавзолея как заранее подготовленного места захоронения обожествленного владыки⁹⁵.

Другими словами, Южный дворец – родовая резиденция и ставка Скилура, определяющие генеральное назначение Неаполя, – был и главным центром официального «династического» культа. В его границах была сформирована особая «дворцовая» разновидность позднескифской материальной культуры, свойственная верховной знати и имевшая ярко выраженный синкретический греко-варварский характер.

Значительная эллинизация аристократии Южного дворца, кроме всего прочего, была следствием прямых, постоянных и самых тесных контактов с представителями греческой торговой и политической элиты⁹⁶. Так, одно из ведущих мест в жизнедеятельности дворца занимал известный ольвиополит Посидей – весомая политическая фигура в скифо-ольвийских отношениях, предполагаемый скифский наварх, торговец и советник, «правая рука» Скилура, многократно устанавливавший от своего имени

⁹² Антонова Е.В., Раевский Д.С. «Богатство» древних захоронений (К вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса) // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984. С. 161 сл.

⁹³ Шульц. Мавзолей... С. 22.

⁹⁴ Он же. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака // КСИИМК. 1946. 12. С. 56.

⁹⁵ Он же. Мавзолей... С. 56.

⁹⁶ Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 204; Виноградов. Вотивная надпись... С. 85 сл.; он же. Политическая история... С. 242 сл.

статуарные посвящения в дворцовом здании с портиками⁹⁷. Также привлекают внимание упоминания Евмена⁹⁸ и Хреста – имя последнего было нацарапано на тулове лагиноса с формулой ΧΑΙΡΕ. Общеизвестен и факт династических браков между представителями царствующих домов Спартокидов и Скилура, получивший в Неаполе новые подтверждения.

Несмотря на то что нижний этаж мегаронного зала предположительно использовался для регулярных культовых церемоний и пиров, здесь «господствовали» хтонические женские божества – Геката (мраморная призматическая герма), Кибела, Деметра, Кора-Персефона (крупные полихромные терракотовые статуэтки) (рис. 1, 8). Их присутствие в церемониальном жилище знатного аристократического рода имело глубокий смысл: общеизвестно особое почитание родового или семейного очага, олицетворенного в образе женщины-«хозяйки». В подобных случаях имели место тесное слияние и трансформация культов огня, плодородия, магии, апотропеев⁹⁹. В конкретном же случае обращает на себя внимание чисто греческая форма их проявления в виде скульптур, терракот, алтариков.

Особый интерес представляет самое крупное изваяние неизвестного женского божества – известняковая герма (рис. 2, 7). Для атрибуции этой скульптуры большое значение имеют материалы святилища пантикапейского акрополя, где было найдено посвящение Дитагойе от имени Сенамотис, дочери царя Скилура¹⁰⁰. Исследователь святилища В.П. Толстиков полагает, что здесь находился богатый культовый комплекс Артемиды-Гекаты, предназначавшийся для представителей социальной верхушки Пантикапея. Им же была высказана точка зрения о том, что Дитагойя, которой адресовано обращение Сенамотис, была самым могущественным негреческим женским божеством, особо почитавшимся представительницей высшей варварской знати. А сущность этой ранее не известной богини оказалась настолько близка Артемиде-Гекате, что в конкретном случае произошло их слияние до уровня трех ипостасей (Артемиды-Гекаты-Дитагойи)¹⁰¹.

Упомянутые факты и рассуждения позволяют, с известной осторожностью, сделать вывод: неапольская герма изображает Дитагойю – главное родовое женское божество неапольской верховной знати, наиболее могущественную покровительницу всех женщин, связанных узами родства с царской фамилией, населявшей Южный дворец. Авторитет этой богини был настолько велик, что царевна Сенамотис, после замужества попавшая в иную культурную среду и, надо думать, приближенная ко двору Перисады, сохранила ей приверженность и даже обратилась с просьбой «государственной важности»¹⁰². При этом жертвенный стол – трапеза с посвящением был установлен в богатом святилище Артемиды-Гекаты. Логично предположить, что в жены представителям царствующего рода Крымской Скифии предназначались знатные боспорянки, «заселившие» Южный дворец наиболее почитаемыми греческими божествами своего круга – Гекатой, Деметрой, Кибелой. Здесь, как и в Пантикапее, имело место сосуществование функционально близких Великих Богинь, представляющих различные религиозные системы. И если в первом случае варварское божество было внедрено в греческий пантеон, то во втором получилось наоборот – пришельцами оказались эллинические богини, а «хозяйкой» – Дитагойя.

Переходя от частных вопросов к общим и подводя итог, можно сделать вывод: археологические исследования в Центральном Крыму свидетельствуют о формировании качественно новой, специфической материальной культуры и одновременно о государственном образовании с ярко выраженными характерными чертами. Один из

⁹⁷ Соломоник. Эпиграфические памятники... С. 35–40.

⁹⁸ Она же. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса // СА. 1958. XXVIII. С. 310.

⁹⁹ Бессонова С.С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 28–30; Высотская. Неаполь... С. 157–160.

¹⁰⁰ Виноградов. Вотивная надпись... Рис. 1, 2.

¹⁰¹ Толстикова В.П. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. 1987. № 1. С. 107 сл.

¹⁰² Там же. С. 111; Виноградов. Вотивная надпись... С. 57–60.

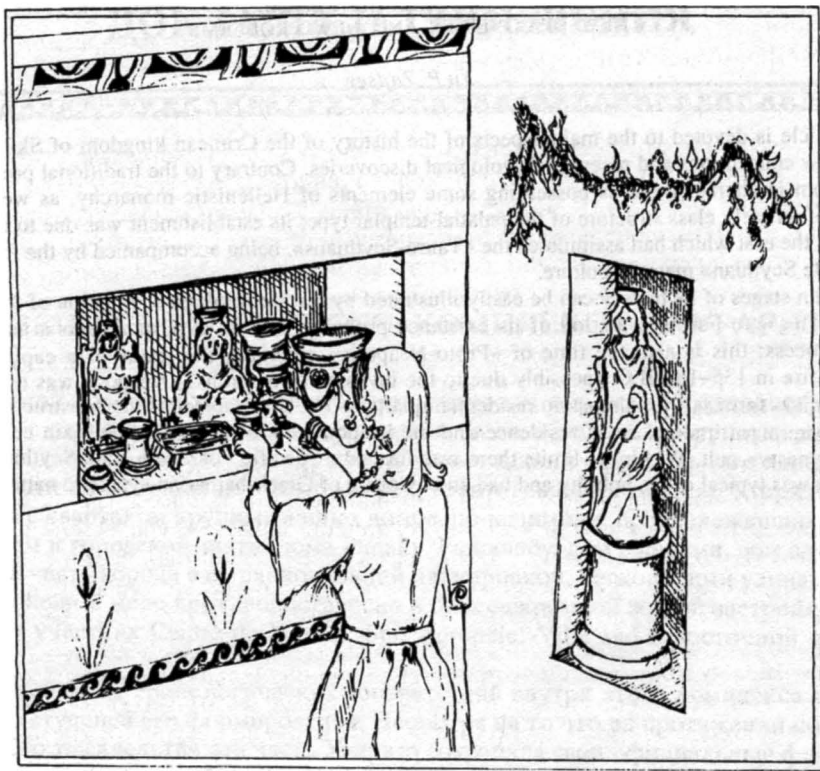

Рис. 8. Предполагаемый вид северо-западной части мегарона Южного дворца накануне войн Диофанта

основных признаков этого государства – «династийный культ» правителей, составляет главную особенность эллинистической эпохи, в чем, очевидно, проявились общие тенденции развития греко-варварского мира¹⁰³. С другой стороны, отражение сущности и механизма такой общественной структуры в устройстве дворцово-храмового комплекса Неаполя наиболее сопоставимо с аналогичными явлениями крито-микенской культуры¹⁰⁴, что позволяет сравнивать позднескифское государство II в. до н.э. с древнейшими государствами Средиземноморского бассейна, которые по сути были дворцово-храмовыми и отражали гораздо более древние по происхождению процессы, чем явления эпохи эллинизма¹⁰⁵.

Исходя из этого представляется вероятным определить державу Скилура как государство с признаками эллинистической монархии и одновременно с чертами раннеклассовых структур дворцово-храмового типа. Его образование было следствием восточной миграционной волны, ассимилировавшей «тавро-скифов» и происходило параллельно с формированием новой материальной культуры, получившей название «позднескифской».

Ю.П. Зайцев

¹⁰³ Маринович Л.П. Александр Македонский и становление эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 96 сл.

¹⁰⁴ Lindgren M. The Function of the Minoan Palaces – Myth and Reality // The Function of the Minoan Palaces. Proceeding of the Fourth International Symposium at the Swedish Institute in Athens, 10–16 June, 1984. Stockholm, 1987. P. 39–42; Zois A. The Function of the Minoan Palace: A Contribution to the Definition of the Main Problem or a Model for Future Research (Outline) // Ibid. P. 43 f.

¹⁰⁵ Шульц П.Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 135; Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993. С. 227.

SKILUROS AND HIS REALM:
NEW DISCOVERIES AND NEW PROBLEMS

Yu.P. Zajitsev

The article is devoted to the main aspects of the history of the Crimean kingdom of Skiluros in the light of new conceptions and recent archaeological discoveries. Contrary to the traditional point of view, the kingdom is characterized as possessing some elements of Hellenistic monarchy, as well as some elements of an early class structure of the palatial-templar type; its establishment was due to a migration wave from the east which had assimilated the «Tauro-Scythians», being accompanied by the formation of a new «Late Scythian» material culture.

The main stages of its history can be easily illustrated by the archaeological situation of the Neapolis Scythica. The «pre-Fortress» period of its existence probably reflects at a spontaneous nature of the settling process; this is also the time of «Proto-Neapolis» assuming the status of a capital. After a disastrous fire in 135–130 B.C. (possibly due to the invasion of Satarchs?) Neapolis was turned into a large «palatial» fortress with almost no residential quarters. The main object of the construction was the South Palace, a patrimonial royal residence and the headquarters of Skiluros, the main centre of the official «dynasty» cult. Within its limits there was formed a specific «palatial» Late Scythian material culture that was typical of the nobility and had an obviously of Greek-barbarian syncretic nature.